

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ульяна Соболева

Ульяна Соболева

Асхем. Проклятый фараон

<https://litres.ru/74435998>

SelfPub; 2026

Аннотация

Гробница не значилась в архивах. Её не должно было существовать. Это было невозможно, нелогично, но она стояла перед нами, вырванная из песков, как сердце, выбитое из груди времени. Камень был древним, покрытым узорами, истёртыми ветром и солнцем, но стоило нам расчистить вход, как на поверхность выступили иероглифы — слишком чёткие, слишком хорошо сохранившиеся, словно сама история пыталась их стереть, но не смогла. Я не верила в проклятия. Вечно таинственные «неразгаданные цивилизации» вызывали у меня скорее скептическую усмешку, чем страх. Но стоило мне взглянуть в этот провал, чёрный, как бездна, как к горлу подкатил удушающий ком.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	53
Глава 6	64
Глава 7	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Ульяна Соболева

Асхем. Проклятый фараон

АСХЕМ

Проклятый фараон

Ульяна Соболева

Глава 1

Солнце плавало землю, воздух дрожал, песок впивался в кожу горячими иглами, но это было ничто по сравнению с липким, гнетущим ощущением в груди. Оно не имело формы, не имело объяснения, но было здесь — холодным, чужеродным, обволакивающим, словно чья-то невидимая рука легла мне на плечо. Я глубже втянула воздух, пропитанный зноем и пылью веков, и заставила себя идти дальше, но внутри что-то сжималось с каждым шагом. Странное чувство, будто я уже была здесь... но это невозможно! Абсурдно! Я никогда не ступала в эти пески, никогда не видела этих высохших, жаждущих неба скал, не касалась ладонью древнего камня, прогретого солнцем. И всё же сердце сдавило так, что стало трудно дышать.

Коллеги возбуждённо спорили, смеялись, делали снимки находки, обсуждали масштабы раскопок, но я слышала их голоса приглушённо, будто сквозь воду. Звук становился всё тише, отдалённее, пока совсем не превратился в пустой гул, сливаясь с рокотом ветра. Я моргнула, попыталась сосредоточиться, но реальность будто отступала, оставляя меня одну в этом жарком, затаившем дыхание мире. Словно я была здесь раньше. Словно это место ждало меня.

По спине пробежал холодный, липкий страх, неестественный в этом знойном аду. Сердце ударило сильнее, но не от

жары, не от духоты — от чего-то другого. Я провела ладонью по шее, стирая капли пота, но внутри оставался морозный ком, тяжёлый, неподвижный, впившийся под рёбра.

Глупости. Я сжала пальцы, вцепившись в ремень сумки, заставляя себя дышать ровнее. Это просто усталость. Просто переутомление. Просто Египет.

Гробница не значилась в архивах. Её не должно было существовать. Это было невозможно, нелогично, но она стояла перед нами, вырванная из песков, как сердце, выбитое из груди времени. Камень был древним, покрытым узорами, истёртыми ветром и солнцем, но стоило нам расчистить вход, как на поверхность выступили иероглифы — слишком чёткие, слишком хорошо сохранившиеся, словно сама история пыталась их стереть, но не смогла. Я не верила в проклятия. Вечно таинственные «неразгаданные цивилизации» вызывали у меня скорее скептическую усмешку, чем страх. Но стоило мне взглянуть в этот провал, чёрный, как бездна, как к горлу подкатил удушающий ком.

Тёмный зев зиял, словно глаз самого Аида, зовя внутрь, обещая древние тайны или смерть. Воздух был неподвижным, застывшим, тяжёлым, пропитанным чем-то, что невозможно объяснить. Я ожидала привычной гробовой сырости, затхлости, но здесь было иначе — запах тлена смешивался с чем-то иным, чем-то, что не должно было оставаться спустя тысячелетия. Будто само время застыло в этих стенах, отказавшись двигаться дальше.

Когда мы шагнули внутрь, мои пальцы невольно сжались в кулаки. На стенах — надписи. Древние, выбитые с такой силой, будто тот, кто оставил их, знал, что его никто не услышит, но всё равно пытался кричать. Я неосознанно отшатнулась, глядя на выведенные символы, смысл которых ударил в разум быстрее, чем я успела их перевести.

"Не трогай корону, ибо она разбудит проклятого."

Но рука сама потянулась к короне. Я резко подняла её и поднесла к глазам.

Холод пробежал по спине.

Гул. Сначала едва уловимый, будто шёпот ветра в каменных коридорах, но он нарастал, заполнял пространство, проникал в кости, сжимал виски раскалёнными тисками. Земля задрожала, словно пробуждаясь после долгого сна, как живое существо, недовольно тем, что его потревожили. Камень под ногами содрогнулся, и воздух стал тягучим, густым, пропитанным древней силой, которая не должна была существовать. Я разомкнула губы, но не смогла вздохнуть — грудь сдавило, как будто невидимые пальцы сомкнулись на моём горле. Где-то в глубине, далеко под нами, из самых недр земли раздался низкий, протяжный звук. Он не был голосом. Он не был похож на шёпот, вздох или рёв. Это был стон. Сама земля застонала, как будто то, что находилось внутри неё, вот-вот вырвется наружу.

Каменные плиты пошли трещинами, звук разрывал барабанные перепонки, раздирал разум на куски. Песок хлынул

сверху, осыпаясь по плечам, забиваясь в волосы, в рот, в глаза. Я вскрикнула, вслепую отмахиваясь, прикрывая голову руками, но твёрдо стояла на месте, потому что в моих пальцах всё ещё была она. Корона. Холодный металл вдруг стал горячим, вспыхнул, как расплавленное золото, и мне показалось, что я держу в ладонях саму звезду, вырванную с небес. Я попыталась отдёргнуть руки, но пальцы не слушались, они впились в артефакт, как если бы чужая, невидимая сила удерживала меня.

Я не могла отпустить.

Я не могла убежать.

Что-то удерживало меня здесь.

Гробница трещала, рушилась, открываясь, как расколотый череп, обнажая то, что было запечатано в ней тысячами. Открывая что-то... или кого-то.

С грохотом рухнула плита, взметнув в воздух плотное облако песка и каменной пыли. Я закашлялась, вслепую закрывая рот и нос ладонью, но не отрывала взгляда от того, что открылось передо мной. Гроб. Нет... Не гроб. Тюрьма. Узкая каменная ниша, углубление в полу, обрамлённое древними символами, которые теперь едва мерцали в пыльном воздухе. Стены её были тёмными, гладкими, испещрёнными тонкими, словно кровавые трещины, разломами. Золотая змеиная печать, когда-то державшая крышку, теперь разломана надвое, её магия исчезла вместе с последним обломком, расколовшимся о каменный пол.

Я стояла, не в силах пошевелиться, не понимая, на что смотрю. Сердце стучало где-то в горле, слишком громко, слишком часто, а в голове звоном отдавался предостерегающий крик интуиции. Здесь должно было быть тело. Должен был быть прах, останки, что-то. Должна была быть смерть. Но каменная тюрьма была пустой.

Это было невозможно. Это было противоестественно. Это было неправильно.

Крик застрял в горле, вырваться не успел. Позади, в самом сердце развороченной гробницы, кто-то сделал первый вдох.

Сердце бешено колотится, удар за ударом отзываясь в висках, дыхание сбивается, грудь будто стянуло невидимой удавкой, не давая вдохнуть. Пальцы немеют, ноги приросли к каменному полу, но не от усталости, не от жара — от чего-то более древнего, первобытного, чего-то, что никогда не должно было быть пробуждённым. Сзади воздух изменился. Он стал плотнее, тяжелее, тягучее, словно время сгустилось, осело в этой пыльной усыпальнице, впилося в меня холодным предчувствием.

Я не хочу оборачиваться. Не хочу видеть. Я хочу сбежать, хочу выскочить наружу, но меня держит неведомая сила, сжимает в цепях липкого ужаса. Шорох. Скрежет. Каменная пыль оседает в воздухе, но сзади что-то движется. Медленно, тягуче, но уверенно, как неизбежность. Я чувствую, оно уже смотрит на меня.

Я поворачиваю голову, и кровь стынет в жилах.

Тень. Высокая, массивная, нечто, возвышающееся надо мной, не человек, но нечто большее, страшнее, древнее. В полумраке я вижу очертания фигуры, плотно обмотанной бинтами, истлевшими, потрескавшимися, но всё ещё скрывающими того, кто не должен был проснуться. Но он проснулся.

Я судорожно всхлипываю, отступая, но он двигается быстрее. В одно резкое движение раздирает бинты на груди, на плечах, срывает их с рук, и тогда я вижу то, чего не должно было быть под ними. Не кости. Не высохший труп.

Кожа. Смуглая, живая, теплая.

Бинты падают на каменный пол, осыпаясь в прах, как пыль древних веков, которыми он был окутан. Он обдирает их с лица, срывает с шеи, пальцы впиваются в слои ткани, разрывая их, как паутину. Я кричу. Я кричу так, что горло рвётся, потому что передо мной не мёртвец.

Передо мной — мужчина.

Огромный. Мускулистый. Чудовищно красивый и пугающий одновременно. Тело, созданное не временем, а самой силой, негибемое, как сам этот вековой камень. Гладкая, смуглая кожа натянулась на выпуклых мышцах груди, на жёстких плечах, на сильных руках, вены проступают на предплечьях. Одежда древняя, расшитая золотыми нитями, открытая, как у воинов далёкой эпохи, длинная ткань ниспадает на бёдра, подпоясанная ремнём с символами, смысл которых мне неведом, но от одного их вида сердце сжимает-

ся сильнее.

И глаза.

Я смотрю в них, и меня выворачивает наизнанку.

Золото. Расплавленное, живое, настоящее. Они смотрят в меня, скользят по лицу, по дрожащему телу.

Воздух воеет. Он делает первый настоящий вдох.

И я понимаю, что мне не спастись.

Человек... не может быть живым.

Я смотрю на него, и мир разрывается на части. Всё, что я знала, всё, во что верила, всё, что могла объяснить логикой, рассыпается в прах, точно так же, как его бинты, упавшие к моим ногам. Он не мумия. Не призрак. Но и не человек.

Он движется, дышит, смотрит. Слишком живой, слишком настоящий, слишком властный, чтобы быть кем-то, кого можно было похоронить в гробнице. Его взгляд врежется в меня, скользит по лицу, по телу, изучает, оценивает...

Сочные резко очерченные губы медленно размыкаются, и от первого же звука я вздрагиваю, точно оголённый нерв под электрическим разрядом. Голос глубокий, раскатистый, тяжёлый, в нём вечность, пески, проклятья, боль, магия, власть, что-то нечеловеческое, что-то... чуждое.

— Ты...

Нет. Нет. НЕТ!

Грудь сжимает диким, необузданным ужасом. Я разворачиваюсь, бросаюсь бежать, но ноги подкашиваются, и я падаю на колени. Камни осыпаются с потолка, воздух напол-

няется пылью, резкий треск заставляет сердце рвануться в безумном ритме. **ВЫХОД!** Он там! Он должен быть там! Но когда я поднимаю взгляд, я вижу только песок, тонны песка, хлынувшего в проход, засыпавшего выход.

Я в ловушке.

Позади тихий шаг.

Я резко оборачиваюсь, прижимаюсь спиной к камню, пытаюсь дышать, но не могу, не могу, не могу! Он движется медленно, не торопясь, каждый его шаг гулко отдаётся во мне, потому что он знает — мне некуда идти.

Я судорожно вдыхаю, дрожу, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение происходящему. Это сон? Галлюцинация? Я схожу с ума?

Но он приближается. Всё ближе, ближе.

И я понимаю, что это реальность.

Воздух рвётся из лёгких рваными, хриплыми вдохами. Я не понимаю, что происходит. Каменные стены рушатся вокруг, песок хлещет по лицу, и я вижу его – мужчину, которого не должно существовать.

Высокий, смуглый, словно сам этот древний песок впитался в его кожу...

И прежде чем я успеваю отшатнуться, мои запястья оказываются в железной хватке.

– Ты... – его голос тянется, глубокий, древний, вибрирующий в самой земле под нами.

Меня бросает в дрожь. Сон. Это просто сон. Я зажимаю

юсь, надеясь, что это разорвёт иллюзию, но когда открываю глаза, всё остаётся таким же. Он не исчез. Я не проснулась.

– Пусти... – хриплю я, пытаюсь дёрнуться, но пальцы на моих руках только сжимаются крепче.

Он смотрит прямо в меня, в самое нутро, и я не понимаю, что он видит. Губы его чуть дрожат, словно от ярости. Или от боли. Или от чего-то, чего я не могу объяснить.

– Что ты черт возьми такое! – срываюсь на крик, начиная вырываться изо всех сил. Бью его, царапаю ногтями, колочу кулаками в грудь, но он даже не вздрагивает.

– Замолчи.

Его голос режет воздух, как нож. Я на секунду застываю, потому что в этом приказе – не просто сила. Власть. Абсолютная, беспощадная. Будто сам этот мир привык подчиняться ему.

Но я не собираюсь подчиняться.

– Пусти меня! – кричу я, забрасывая голову назад и ударяя его лбом в лицо.

На мгновение его хватка ослабевает – и я делаю единственное, что могу: разворачиваюсь и бегу.

Песок оседает в горле, камни скользят под ногами, но я бегу. Я не знаю, куда, но знаю, что не хочу оставаться рядом с ним.

Но он даже не торопится.

Он не преследует меня.

Он просто... смотрит.

А потом мир рушится.

Громыхает удар, земля дрожит, и я падаю на колени, задыхаясь от едкого дыма. Гробница рушится. Выход исчезает за стеной обвала.

Я застряла.

Я в ловушке.

И прежде чем я успеваю осознать, его тёплые пальцы сжимаются вокруг моего горла.

– Ты не уйдёшь от меня. Никогда.

И в следующий миг он забирает меня во тьму.

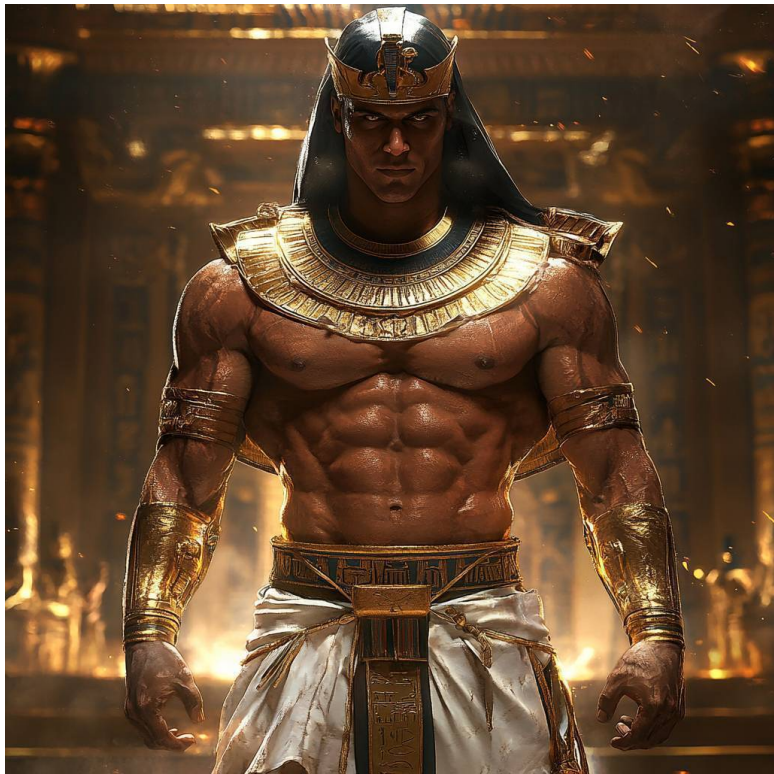
Наталья

МУМИЯ

ACXEM

Глава 2

Сон? Нет. Кошмар.

Я резко вдохнула, грудь сдавило от тяжести воздуха, словно он был густым, вязким, пропитанным чем-то чужим, чем-то, чего не должно было быть. Тепло. Слишком тепло. Мне не хватало воздуха. Кожа липла к ткани, но не к моей одежде – к чужой, мягкой, незнакомой.

Я открыла глаза.

Роскошь. Глубокие золотые оттенки, мягкие подушки, тончайший шёлк простыней, слишком тёмные стены, отблеск свечей, горящих в нишах, и пряный запах, от которого кружилась голова. Пространство давило, словно стены этого дворца были живым существом, ждущим, когда я пошевелюсь. Когда осознаю, что я не там, где должна быть.

В висках бешено пульсировало, сердце колотилось так сильно, что ребра звенели. Я резко села, хватаясь за шею, за руки, за живот – всё на месте? Всё цело? Моё тело принадлежит мне?

Но это не палатка археологов. Не больница. Это не мой мир.

Я сжала пальцы в простынях, впиваясь ногтями в дорогую ткань, задыхаясь. Гробница. Камни. Обвал. Я помню, как воздух затрясся, как сквозь пыль я увидела его. Глаза, словно расплавленное золото. Крик застрял в горле. Моё. Серд-

це. Помнит.

Но я не во сне.

Я в плену.

Голоса. Шёпот, приглушённый массивными стенами, но слишком отчётливый, чтобы быть плодом воображения.

Я замираю. Внутри всё обрывается, грудь сдавливает так, что невозможно вдохнуть. Я не одна.

Шорох тканей, гулкие шаги за дверью. Разговор. Глухой, тяжёлый, словно приговор, вынесенный заранее. Я не понимаю слов, не разбираю язык – слишком быстро, слишком чуждо...

Но почему тогда я слышу страх?

Почему я чувствую, о чём они говорят?

Проклятие.

Возвращение.

Фараон.

Я судорожно сглатываю, сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони. Нет. Это невозможно. Это мой разум играет со мной, это паника, это всё ещё сон.

Но слова...

Я понимаю их.

Как будто этот язык всегда был во мне. Как будто эти звуки не новые, а забытые.

Как будто я всегда знала, что однажды услышу это имя.

Голоса за дверью ползли по стенам, как змеи, шептали, скользили по воздуху, цепляясь за моё сознание, наполняя

его липким страхом. Они боялись. Я чувствовала их дрожь, их застывший ужас, их молитвы, обращённые не к богу, а к тому, что не должно было пробудиться. Но они боялись не меня. Нет. Я не была центром их паники. Я была лишь частью чего-то страшного.

Проклятье. Ужас. Древний правитель.

Шёпот не стихал, он сжимался кольцами вокруг горла, затягивал невидимые нити, не давая дышать. Казалось, воздух стал тяжелее, гуще, будто сам этот мир пытался вытолкнуть меня за пределы реальности. Сердце ударилось о рёбра, когда слова вспыхнули в сознании, отрывистые, словно удары плети.

"Фараон."

"Восстал."

"Проклятие."

Я сглотнула, пытаюсь дышать глубже, но каждый новый вдох отдавался болью в груди. Они говорили слишком быстро, их речь сливалась в одно, но... я понимала. Чёрт возьми, я понимала каждое слово.

Это было невозможно.

Я знала основы древнеегипетского – тексты, символы, немного грамматики, но не так. Не так! Я могла читать письма, переводить простые фразы, но сейчас их слова не требовали осмысления, не нуждались в переводе. Я слышала, и смысл рождался в голове сам, будто эти звуки всегда жили во мне.

Я не просто понимала слова — я чувствовала эмоции, которые они в себе несли. Паника, мольбы, страх. Не за себя. За мир.

Это не должно быть возможно.

Но это происходило.

Асхем.

Звук этого имени обрушивается на меня, как лавина, холодной волной накатывает на сознание, затапливает, отрезает от реальности.

Я знаю, кто он.

Проклятый фараон.

Правитель, которого похоронили заживо.

Проклятье, запечатанное в камне и песках.

Я читала о нём. Давным-давно, среди пыльных страниц, среди мифов и легенд, которые никто не воспринимал всерьёз. Загадочный, почти стёртый из истории. Фараон, имя которого пытались забыть, как будто оно само по себе таило опасность.

Но почему сейчас, услышав его, я не могу дышать?

Что-то во мне сжимается, словно память, спрятанная в глубине сознания, рвётся наружу. Как будто я не просто читала о нём. Как будто знала его. Как будто была там, когда его похоронили.

Невозможно. Чушь. Бред.

Но тогда почему его имя пробирает меня до костей?

Почему оно отзывается во мне, как эхо чего-то страшного,

древнего, забытого?

Почему, когда я закрываю глаза, мне кажется, что я уже слышала этот голос?

Асхем.

Проклятый.

Двери распахиваются с глухим ударом, и воздух в комнате меняется. Он становится плотнее, тяжелее, горячее, как перед бурей, когда мир застывает в напряжённом ожидании.

В комнату входят мужчины в длинных, роскошных одеждах. Шёлк, золото, тонкие плащи, струящиеся по полу. Жрецы. Стража. Придворные. Они выглядят величественно, но их лица – нет. Они напуганы.

Гнев. Ненависть. Шок. Страх.

Я чувствую их эмоции, хотя не понимаю, что происходит. Я чужая. Лишняя. Неуместная. Но именно меня они разглядывают с ужасом, будто я – самое страшное, что могло случиться.

Кто-то из них говорит, резко, отрывисто. Я слышу слова. Я понимаю их.

– Она принадлежит ему.

Мир рушится.

Слова врезаются в сознание, разрезая реальность на "до" и "после". Воздуха не хватает, сердце стучит глухо и рвано, как если бы меня били в грудь. Я не понимаю. Не хочу понимать.

Принадлежу?

Ему?

Паника сжимает рёбра, вцепляется ледяными когтями в горло. Я бессознательно отступаю назад, но натыкаюсь на тяжёлые подушки. Всё вокруг слишком дорогое, слишком роскошное, но я чувствую себя грязной, чужой, бесправной.

Я открываю рот, чтобы закричать, потребовать объяснений, но тогда вижу его.

Асхем.

Он стоит, не двигаясь, высокий, массивный, словно вырезанный из камня. Мускулы, натянутая на них кожа цвета солнечной бронзы, шёлк золотых узоров на ткани, закрывающей его тело. Он выглядит... совершенно. Жутко. Божественно.

Но всё это – ничто по сравнению с его глазами.

Чистое золото. Горящее, расплавленное, живое. И он смотрит только на меня. Во мне что-то трескается. Что-то ломается. Потому что в его взгляде нет удивления. Нет сомнений. Только владение.

Будто он ждал меня вечность.

Тёплая вода стекала по телу, смывая с меня не только песок, но и прошлое. Служанки, темноглазые, молчаливые, бесстрастные, скользили ладонями по моей коже, покрывали маслами, втирали благоухающий состав в волосы, будто пытались стереть меня, сделать чистым листом. Я чувствовала себя мраморной статуей, которую готовили к выставке – холодной, неподвижной, лишённой воли.

Запах благовоний бил в голову. Ладан, мускус, смолы. Они смешивались в густую, терпкую тяжесть, оседали на губах, забирались в лёгкие, обволакивали. Всё вокруг было пропитано этим пряным дурманом: воздух, вода, даже руки, что прикасались ко мне. Я сжимала кулаки, впивалась ногтями в ладони, но не могла остановить того, что происходило.

Меня мыли, одевали, украшали, и я ничего не могла с этим сделать. Никто не спрашивал, хочу ли я этого. Никто не ждал моего согласия. Я была чужая, но для них уже принадлежала ему.

Шёлк обволакивал тело, скользил по коже, лёгкий, почти невесомый, слишком открытый. Почти прозрачный, он не скрывал, а подчёркивал, и от этого хотелось скрючиться, закрыться руками, спрятаться. Но служанки разогнули мои плечи, заправили волосы, повязали тонкие золотые цепочки вокруг талии и рук. Запястья сжали тяжёлые браслеты – слишком массивные, слишком похожие на кандалы из золота.

На шею легло украшение – широкое, жёсткое, с камнями, которые, как мне сказали, подчёркивают цвет глаз. Они готовили меня, как невесту. Как жертву.

Я не сопротивлялась.

Не потому, что не хотела.

Потому что не могла.

Я видела их лица – безразличные, равнодушные. Для них это был ритуал, традиция, долг. А для меня – конец.

Запах благовоний усиливался, воздух сгустился. Меня вывели из покоев, и храм раскрылся передо мной, огромный, высокий, с колоннами, уходящими в полумрак. Там ждали они.

Жрецы. Придворные. Судьи моей судьбы.

Они стояли, облачённые в белое и золото, лица закрыты священным спокойствием. Они не смотрели на меня, они смотрели сквозь меня. Я для них не была человеком. Я была доказательством.

Передо мной разверзлась вечность. И она мне не принадлежала.

Мой голос здесь ничего не значил.

Если я его. Если принадлежала ему в прошлой жизни.

Я должна пройти ритуал.

Он стоял на возвышении, неподвижный, словно высеченный из обсидиана, и весь мир казался лишь фоном для него одного. Асхем.

Высокий, массивный, с телом, которое будто отливали из чистого золота. Смуглая кожа, глубокая, словно пески, впитавшие солнце тысячелетий. Чёрные волосы заплетены в косы, украшенные золотыми пластинами с выгравированными символами власти. На шее широкий нагрудник, переливающийся драгоценными камнями, тонкие цепи, спускающиеся к обнажённой груди.

Он был создан, чтобы править.

Мощные руки, массивные запястья, зажатый в пальцах посох – символ фараона, сверкающий золотом, с головой кобры, готовой к удару. На голове корона, сплетение змей, золото и лазурь, символ божественного правления. Его взгляд – чистый огонь, расплавленный металл, золотая ярость, которой невозможно противиться.

Он смотрел только на меня.

И тогда заговорили жрецы.

– Однажды ты уже была его. – Голос старшего жреца был глубоким, ровным, как раскаты далёкого грома. – Твоё тело принадлежало ему, твоя кровь смешалась с его, твоя жизнь была вплетена в его судьбу.

Храм замер. Сотни глаз, холодных, чужих, пристальных, впились в меня, ожидая, приму ли я этот приговор.

– Но ты умерла. – Голос жреца дрогнул, как будто сама смерть отзывалась в этих словах. – И его сердце умерло вместе с тобой.

Я не дышала.

– Но боги не прощают. – Он поднял руки, обращаясь к небу, голос стал громче, проникновеннее, словно гнев самих богов струился через его губы. – Ты вернулась. И теперь ты снова принадлежишь фараону. Ты его рабыня! Покорись ему или твоя смерть будет страшной!

– Нет! – Сорвалось с моих губ, и в храме поднялся шум. Но Асхем не дрогнул.

– Она сомневается. – Жрец перевёл взгляд на него. – По-

кажи ей, Асхем, кому она принадлежит.

Асхем сделал шаг вперёд.

– Ты была моей. Ты будешь моей. Мерит...

– Меня зовут Наталья. Я здесь по ошибке. Вы принимаете меня за кого-то другого!

Голос его был низким, глубоким, как шелест песчаной бури перед ударом.

– Боги вернули тебя мне, и ты не уйдёшь от меня снова.

Он наклонился ближе, тёплое дыхание обжигало кожу.

– Я помнил тебя. – Он говорил мягко, почти ласково, но в этой ласке таилась сила, от которой хотелось бежать. – Ты можешь кричать. Можешь бороться. Но ты знаешь правду.

Его пальцы коснулись моей шеи, змеёй скользнули к плечу, и внутри меня всё замерло.

– Ты чувствуешь это? – Он наклонился ещё ниже, его губы почти касались моего уха. – Ты принадлежала мне тогда.

Я сжалась, но знала – уже поздно.

– Ты принадлежишь мне сейчас!

Глава 3

Тьма обволакивала колонны древнего зала, запах смолы и благовоний пропитывал воздух, создавая ощущение нереальности происходящего. Я дышала тяжело, сердце колотилось в груди, но это не могло меня спасти.

Асхем стоял передо мной, высокий, неподвижный, как каменный идол. Он смотрел на меня долго, сосредоточенно, с тем безразличием, которое бывает только у богов — беспристрастных, не знающих пощады, не видящих смысла в протестах смертных.

Я попыталась отступить, но спиной наткнулась на холодную колонну. Бежать было некуда.

Я отступаю назад, но холодная колонна упирается в мою спину.

Асхем снова приближается — медленно, неумолимо. Он не торопится, потому что знает: я не убегу. Он сильнее. Всегда был сильнее.

Жар его тела накрывает меня, от него пахнет смолой, благовониями и чем-то древним, необъяснимым. Этот запах заполняет мои лёгкие, спутывает мысли.

— Не сопротивляйся, — говорит он тихо, но в этом голосе — власть.

Но я сопротивляюсь.

Мои ладони упираются в его плечи, но это бесполезно.

Он лишь сильнее сжимает мои запястья, поднимая их вверх и прижимая к колонне. В груди колотится сердце, дыхание сбивается.

Его губы скользят по моей шее, горячие, обжигающие. Он ведёт себя спокойно, но я чувствую — под этим спокойствием скрывается голод.

Я выгибаюсь, пытаюсь вырваться, но в следующую секунду чувствую укус.

Резкая вспышка боли пронзает шею, и я вскрикиваю, но Асхем не ослабляет хватки. Его зубы глубже вонзаются в мою кожу, и я ощущаю, как что-то — яд — проникает в моё тело.

Тепло. Оно разливается по венам, заполняет грудь, живот, опускается ниже, сжигая всё на своём пути.

Я горю.

Я выгибаюсь, извиваюсь, но он удерживает меня, позволяя только чувствовать.

Каждая клеточка тела становится чувствительной до боли, словно нервы оголены. Я ощущаю всё: его горячие пальцы, что сжимают мои бёдра, его губы, оставляющие влажный след на шее.

Но хуже всего — это наслаждение.

Оно нарастает быстро, слишком быстро. Между моих ног все сжимается, пульсирует, всё напряжение стягивается туда, в самую глубокую точку, которая уже отчаянно пульсирует в ожидании.

Я задыхаюсь, судорожно хватаю воздух.

— Чувствуешь это, Наталья? — шепчет Асхем мне в ухо, и от его спокойствия по спине проходит холод.

Я чувствую.

Клитор сжимается в тугий узел, пульсируя в такт горячим волнам, что пробегают по телу.

Я схожу с ума.

Ещё несколько секунд — и я взрываюсь.

Оргазм накрывает меня, разрывает на части, заставляет дрожать в его руках, вжиматься в него, сжимать его плечи так сильно, что ногти наверняка оставляют следы.

Мир гаснет вспышками белого света, колени подгибаются, но он не даёт мне упасть.

Асхем смотрит на меня, проводит пальцами по следу от клыков, и его губы касаются моего виска.

— Теперь ты моя, — шепчет он.

Я тяжело дышу. Мои мышцы всё ещё содрогаются, клитор дергается в последних судорогах оргазма.

Я знаю, что он прав.

Жаркий след его зубов на моей коже пульсировал, пульсировал так, будто внутри под кожей всё ещё оставался он. Я знала, что все видят. Что жрецы смотрят на меня сверху вниз, что придворные сдержанно опускают глаза, но я чувствовала, что они знают.

Моё тело выдало меня. Оно не боролось. Не отторгло. Оно приняло.

Я дрожала, но не от страха.

Ноги были слабыми, как будто я не стояла здесь, а опустилась перед ним на колени, покорная, послушная. Как будто сама признала себя его рабыней.

Но я не признала!

Я вцепилась пальцами в тонкую ткань, обхватила себя за плечи, как будто могла стереть с себя этот позор, этот жар, эту предательскую дрожь.

Но было поздно.

Они видели.

Я слышала, как шёпот прошёлся по храму – жрецы обменялись взглядами, кто-то из них улыбнулся краем губ, едва заметно, довольно.

Я хотела умереть.

Хотела скрутиться, закрыться, скрыться. Исчезнуть.

Но он не дал.

Асхем стоял передо мной, и на губах его была тень улыбки. Он знал, что со мной произошло.

И он наслаждался этим.

Боже, это кошмар.

Я сплю.

Я закрою глаза, и когда открою их – я буду в своей палатке, я проснусь, я вернусь в реальность, где он всего лишь тень из древних текстов.

Но я закрыла глаза.

И мир не исчез.

А на моей шее горело клеймо.

– Ты можешь звать себя Натальей... Он проведёт пальцами по клейму, где всё ещё горит след его зубов. – Но я знаю, кто ты. Его голос низкий, глубокий, змея, скользящая по коже. – Ты – Мерит. И ты принадлежишь МНЕ! Я – Асхем Са-Нек Атен, великий фараон Нижнего и Верхнего Кемета, возлюбленный Богами, рожденный под знаком змея, чья кровь отравлена проклятьем, но чья воля сильнее самой смерти. Я – тот, кто правил в вечности и был предан. Я – тот, кого нельзя было убить, и потому меня похоронили заживо. Я – твой господин, Мерит. И ты никогда от меня не уйдёшь!

Асхем вернулся.

Как песчаная буря, сметающая всё на своём пути, как раскалённое солнце, от которого не скрыться, как неизбежное проклятье, от которого не убежать. Он вернулся, и этот мир содрогнулся.

Гул в столице не утихал. Шёпот множился, разрастался, превращаясь в оглушающий рёв тысяч голосов. Одни преклонялись, падали ниц, касаясь лбами выжженной солнцем земли, шепча священные слова, которые не смели произносить веками. Другие кричали, бежали, прятались, будто пытались спрятаться от самой смерти.

Кто-то ждал его. Кто-то ненавидел. Кто-то верил, что он – их спасение.

Кто-то знал, что он – их конец.

Но главное – все вспомнили, кто здесь истинный прави-

тель.

Рахотеп чувствовал, как его власть рассыпается в пыль, как рушится царство, созданное на лжи и страхе. Проклятие возвращало его в новой плоти всякий раз, когда рождалась Мерит, и в каждом воплощении он снова пробирался к власти. Нынешнюю жизнь он правил этим миром, подчиняя и растаптывая каждого, кто смел усомниться в его праве.

Но стоило одному имени сорваться с губ жрецов – и этот мир предал его.

Его кровь кипела, жгла изнутри, требовала действия. Он смотрел на дрожащий советников, слышал, как старейшины сбивчиво обсуждали, что делать, и знал – это поражение. Не битва, нет. Но первый удар нанесён.

И если он не остановит это сейчас – его не будет.

Он развернулся резко, властно, шелковая ткань одежд скользнула по каменному полу.

– Соберите жрецов. Немедленно.

Голос его звучал ровно, без гнева, но в этой ровности слышался металл, острее меча, яд, смертельное укуса кобры.

Рахотеп не собирался ждать, пока Асхем заберёт его трон.

Он сделает первый шаг.

Он нанесёт первый удар.

Тусклый свет масляных ламп дрожал на стенах скрытого зала, впивался в древние фрески, трескавшиеся от времени, но всё ещё несущие свою тяжесть. В воздухе висел запах благовоний, но он не мог скрыть главное – страх. Жрецы си-

дели полукругом, их лица скрывались в тени, но глаза сверкали тревогой. Эти люди привыкли быть непоколебимыми, привыкли говорить от имени богов, вершить судьбы царей, строить величайшие заговоры, но сейчас даже они понимали: то, что они пытались контролировать, оказалось сильнее их самих.

Асхем вернулся.

Не сломленный. Живой.

И хуже того – неизменный.

Не ослабленный веками заточения, не тенью себя прежнего, а всё тем же существом, от которого в страхе отворачивались сами боги. Они пытались стереть его из истории, из памяти, из жизни, но он вырвался.

– Его нельзя убить. – Голос старейшего жреца был ровным, но в этой ровности слышалось осознание беспомощности. – Мы пытались. В прошлый раз. И не смогли.

Пауза.

Они все знали, как это было. Все знали, что когда Асхема предали, его не лишили жизни, потому что не смогли. Его тело не брали клинки, его кровь не смешивалась с ядами, его сердце не замирало. Они хотели избавиться от него, но не могли.

Поэтому его похоронили живым.

Заковали в камень, сковали печатями, запечатали так, чтобы он не смог выбраться.

Но он выбрался.

– Мы должны запечатать его снова.

Шёпот прошёлся по залу, как змея, что пробирается по холодному мрамору.

Снова.

Но как? Они не знали, как сделать это тогда, и теперь тем более не знали. Асхем был чем-то большим, чем человеком. Он был чем-то иным.

Но даже у богов есть слабости.

Жрец, что сидел ближе к свету лампы, поднял голову, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на озарение.

– Его нельзя убить. Но можно отнять у него то, что делает его сильным.

Наступила тишина.

– Вы видели, как он смотрит на неё?

Теперь дыхание замерло у всех.

Они видели.

Рахотеп видел, как Асхем смотрит на неё.

Не просто взглядом хозяина, привыкшего брать всё, что пожелает. Не просто холодной уверенностью завоевателя, который считает, что мир принадлежит ему. Нет. Это было хуже.

Асхем не просто хотел её.

Он не мог без неё.

Этот зверь, этот змей, этот бог в теле человека, эта ходячая легенда, что не поддавалась времени и смерти, – он смотрел на женщину, как на воздух в лёгких, как на воду в раска-

лѐнной пустыне, как на единственное, что делает его живым.

И Рахотеп понял: Асхем уязвим.

Не стали, не силой, не клинком, не армией – ничто из этого не могло его сломить. Но её потеря может.

Он помнил, как было тогда, тысячи лет назад. Как фараон сошёл с ума, когда её забрали. Как превратился в зверя, как рвал людей на части, как его боль разрывала мир и ломала реальность.

Если он не может уничтожить Асхему напрямую, значит, он уничтожит его изнутри.

– Женщина.

Это слово звучит, как приговор, и жрецы склоняют головы в молчаливом согласии.

– Мы ударим по ней.

– Он не позволит.

– Он не сможет защитить её вечно.

Рахотеп усмехается.

Он сделает так, что Асхем сам принесёт её в жертву.

Жрецы

Рахотеп

Глава 4

Они смотрят на меня, как на товар. Как на вещь, что уже давно продана, оплачена кровью и проклятьем. Я – не человек. Не личность. Я – тело, которое должно склониться.

Слова, произнесённые жрецами, падают, как камни в грудь, и каждый удар – смертельный. Выбора нет. Никаких благородных речей, никаких красивых обещаний. Здесь не верят в свободу. Здесь нет места надежде.

– Ты принадлежишь ему.

Я сжимаю зубы, вцепляюсь ногтями в ладони, до боли, до крови, но не подаю вида. Они ждут, что я сломаюсь. Что встану на колени, покорно склоню голову и приму свою судьбу, но я стою. Я держусь.

– Я не его.

Голос чужой, охрипший, сорванный, но твёрдый. Сильный. Такой, каким он быть не должен.

Жрец медленно поворачивает ко мне голову. В его глазах – ничего. Ни сомнения, ни интереса, ни гнева. Пустота.

– Тогда ты умрёшь.

И всё.

Просто, ровно, без лишних эмоций.

Как будто это не решение, а свершившийся факт.

Как будто моя жизнь ничего не значит.

Как будто я – уже труп, просто ещё не осевший в пыль.

В горле ком, в груди бешеный удар сердца. Они действительно сделают это. Здесь, во дворце, под этими золотыми сводами, в этой обманчивой роскоши, где стены истекают солнечным светом, меня могут убить.

Просто, хладнокровно, так, будто я – нечто ненужное, то, что мешает, что можно стереть, заменить.

Я хочу закричать, броситься, вцепиться в их одежды, разорвать их лица ногтями, но тело не слушается. Я чувствую, как внутри что-то ломается.

Это ловушка.

Без выхода. Без спасения.

Либо я стану его.

Либо меня не станет вовсе.

Он не спрашивает. Не даёт мне права голоса. Не ждёт моего согласия, потому что в его мире моё мнение не имеет значения. Асхем просто берёт то, что считает своим, так же, как брал и раньше, как, возможно, забирал века назад. Его руки – железные оковы, тёплые, горячие, вливающиеся в мою кожу не с жестокостью, а с непоколебимой уверенностью. Я бьюсь, вырываюсь, но это тщетно, это похоже на борьбу пленённого зверя, загнанного в угол. Всё, что я могу дать ему сейчас – ненависть. Грязную, живую, пропитанную страхом, болью, отчаянием.

Я ненавижу его за это.

За власть, которой он пользуется, как дыханием. За силу, которой он не сомневается. За то, что не оставляет мне вы-

бора.

Но проклятье делает своё дело. Оно ползёт по венам, разливаясь огнём по телу, захватывает грудь, перехватывает дыхание, впивается в сознание, разрушая меня изнутри. Я не хочу этого, не могу хотеть, но тело... оно отвечает. Оно вспоминает. Оно предаёт меня так, как никогда раньше. Я задыхаюсь, вцепляюсь пальцами в его запястья, стараясь оттолкнуть, разорвать эту связь, стереть этот жар, но это невозможно.

Потому что он уже внутри.

Не только руками, не только телом – он в самом воздухе, в каждом ударе сердца, в каждой дрожи, пробежавшей по коже.

Асхем чувствует это. Он знает, что я сопротивляюсь только разумом, что магия уже подчинила меня, и оттого его взгляд наполняется чем-то опасным, мрачным, тёмным, как гроза над пустыней. Его дыхание горячее, оно скользит по моей шее, по губам, и я понимаю – это конец.

Я проиграла.

Я ненавижу себя за это, но магия сильнее. Сильнее воли, сильнее разума, сильнее ненависти, которую я чувствовала ещё мгновение назад. Она обволакивает меня, ломает, делает той, кем я не хочу быть.

А он знает это.

И усмехается.

Он стоит передо мной, как олицетворение власти, древ-

ний, незыблемый, как сами эти стены, как высеченные в камне символы, перед которыми склоняются целые поколения. Он не торопится, не давит, не угрожает. Асхем просто ждёт.

Я вижу, как он смотрит на меня, с этой ленивой уверенностью хищника, загнавшего добычу. Ни капли сомнения. Ни намёка на то, что у меня есть хоть один шанс вырваться. Он слишком привык, что мир принадлежит ему.

Но я – не его мир.

– Подчинись.

Его голос – как горячий воск, стекая в сознание, обволакивает, застывает, оставляя след. Низкий, властный, такой, что от него хочется затаить дыхание, потому что он не терпит отказов.

– Никогда.

Я шиплю, сжимаю пальцы в кулаки, ногти впиваются в ладони. Мне хочется ударить его, разорвать эту тишину, разбить это проклятое спокойствие, размазать его самодовольную уверенность по этим идеально гладким губам.

Но он даже не моргает.

– Я не буду твоей.

Он делает шаг ближе.

Я не отступаю.

Пусть убьёт. Пусть растопчет. Лучше смерть, чем быть частью этого кошмара.

Его взгляд скользит по мне, оценивающе, бездушно, как у воина, который знает, что битва уже выиграна, но пока про-

сто наблюдает, как сражённый враг продолжает падать.

И тогда я бросаю последнее, что у меня осталось.

Вызов.

Я встречаю его взгляд, чистое золото, расплавленное, кипящее, пожирающее. В нём нет гнева. Только ожидание.

– Ты можешь запереть меня здесь, можешь приказать, можешь разорвать меня на куски, но я никогда не приму твою власть.

Я шепчу это, в голосе нет дрожи, нет страха, только ненависть, густая, как смола, заполняющая лёгкие, не дающая дышать.

Он молчит.

А потом улыбается.

Не просто улыбка – медленная, тёмная, коварная, скользкая по его губам, наполненная неоспоримым торжеством.

– Ты уже приняла.

Он произносит это так спокойно, что на мгновение меня захлёстывает паника.

– Просто ещё не осознала этого.

Мир рушится.

Потому что я чувствую, как слова рвутся вглубь меня, пронзают кожу, впиваются в сердце.

Потому что он прав.

Я убеждаю себя, что это отвращение. Что каждый раз, когда он приближается, этот разливающийся под кожей жар – это ненависть, это злость, это ярость, это желание разорвать

его на части, но не что-то другое. Не что-то, от чего сжимается живот, от чего дыхание сбивается, от чего по спине пробегает дрожь, от чего хочется отступить назад, но не потому что страшно.

Он – зверь. Чудовище. Монстр, проклятый богами, вырванный из своей гробницы, запечатанный во тьме за грехи, которые должны были сожрать его изнутри. Он – тот, кого боялись настолько, что не смогли убить.

Моё тело должно знать это.

Оно знает это.

Но почему тогда каждое его движение кажется мне слишком медленным, слишком точным, слишком продуманным? Почему взгляд, тяжелый, обжигающий, скользящий по коже, заставляет меня замирать, вжимать ногти в ладони, как если бы я могла выцарапать из себя этот жар?

Почему, когда он подходит ближе, когда его тень пересекает мою, когда его дыхание касается воздуха рядом со мной, моё сердце бьётся быстрее?

От страха.

Да, от страха.

Только от него. Я не хочу чувствовать ничего другого. Всё, чего я хочу, — вернуться домой и забыть этот кошмар.

Я повторяю себе, что это страх. Что это ненависть, злость, отчаяние, но не что-то другое, не то, что пробегает по коже едва ощутимым трепетом, не то, что заставляет сердце срываться с ритма, будто оно больше не принадлежит мне. Это

чудовище, вырванное из своей темницы, это проклятие, которому не место в этом мире, это зверь, чьё имя нельзя проносить без страха. И моё тело знает это.

Но почему тогда, когда он приближается, когда воздух становится плотнее, когда его взгляд касается меня так, будто он уже забрал меня себе, в груди что-то сжимается, пульсирует, живёт? Почему дрожь пробегает по позвоночнику не от ужаса, а от чего-то более пронзительного, чего-то, что я не осмеливаюсь назвать? Я всё ещё помню наслаждение от его укуса...

Я вдыхаю глубже, будто этот воздух, пропитанный смолами и специями, способен отрезвить меня, выбить из этой иллюзии, стереть это ощущение с моей кожи. Но оно уже впиталось. Уже растеклось в крови, уже забилося в сердце, уже живёт во мне.

Он не касается меня, не приближается, но его присутствие давит на меня, тёплой волной скользит по коже, обвивает запястья, растекается по венам. Он просто смотрит. Спокойно, неторопливо, лениво, с тем невыносимым терпением, которое страшит больше, чем грубая сила. В его глазах — расплавленное золото, багряное пламя, древний песок, засыпавший целые царства.

Я ненавижу его за этот взгляд.

Я ненавижу себя за то, что тело предаёт меня.

Потому что сердце уже предало. Оно уже бьётся быстрее, уже откликается, уже дрожит в предчувствии.

И он это знает.

Жар. Он разливается по коже, проникает в кости, струится в кровь, будто он уже внутри, хотя не прикасался ко мне. Но я чувствую его, ощущаю так же отчётливо, как если бы его пальцы скользнули по моей шее, как если бы он сжал моё запястье, как если бы дыхание сорвалось с его губ и коснулось ключиц, оставляя на них невидимые следы своей власти. Я знаю, что между нами расстояние, но это не имеет значения, потому что его клеймо пульсирует.

Я задыхаюсь.

Оно живёт, оно откликается на него, оно принадлежит ему больше, чем я сама себе. Пульс быстрый, горячий, рваный, он отдаётся в том месте, где он оставил свою метку, как если бы там билось ещё одно сердце. Я вцепляюсь в него, пальцы сжимают кожу, но жар не исчезает, не отпускает, не даёт мне ни секунды свободы.

Это не я.

Это не моё тело.

Это он.

Он забрал меня прежде, чем я успела осознать это.

Я хочу сорвать это с себя, выцарапать, стереть, хочу разодрать кожу до крови, лишь бы это ощущение исчезло, но оно не уходит. Оно остаётся внутри. И я понимаю, что оно уже стало частью меня.

Мой личный позор.

Моё проклятье.

Его власть.

Если бы это было больно – это было бы легче. Боль можно вынести, можно зажмуриться, стиснуть зубы, выжечь её внутри себя, пока она не превратится в пустоту. Боль можно терпеть, можно привыкнуть к ней, превратить её в оружие. Но это – не боль. Это мягкое, разливающееся по телу тепло, не огонь, а тлеющие угли, проникающие в кровь, в дыхание, в мысли, обволакивающие каждую клетку. Это слабость, которой я не хочу, но не могу избавиться.

Я не могу её контролировать.

И от этого моя ненависть к нему становится невыносимой, беспомощной, жалкой. Она бессильна перед тем, что проникает в меня глубже, чем страх, чем ярость, чем сам этот кошмар.

Я не принадлежу себе.

Ночью, когда его нет рядом, когда его голос не наполняет воздух, когда его шаги не раздаются в коридорах дворца, я должна чувствовать себя свободной. Но свободы нет. Она обман.

Мне снится как он не кусает мою шею, а целует. Снится как его губы скользят по мне, как язык лижет мои скулы. Я раскрываю рот, и он скользит туда, обволакивая мой. Дыхание песка, свежести, тумана. Поцелуй дикий и тягучий как мед. Его пальцы медленно входят в мое тело. А потом растирают мой клитор...и я стону я извиваюсь на простынях. Он

лижет мой язык и трахает меня пальцами, пока я не кончаю выгибаясь... И мне кажется его пальцы трахали мою душу.

Я просыпаюсь, от оргазма, запутанная в простынях, горячее шёлковое полотно сковывает движения, липнет к коже, будто чьи-то невидимые руки всё ещё держат меня, не отпускают. Я задыхаюсь, судорожно вырываюсь из этих оков, выкарабкиваюсь, но липкий пот покрывает спину, виски, скользит вниз по ключицам, дыхание сбивается, сердце бешено колотится. Мои соски болезненно напряжены, между ног сладко пульсирует от наслаждения. Боже... я еще ни разу не была с этим мужчиной, но уже два раза испытала оргазм. Что будет когда он возьмет меня...

Мне нечем дышать.

Как будто я только что вырвалась из чьих-то рук.

Как будто он только что был здесь.

Но его нет.

Только я, скомканные простыни, тёплый воздух, тяжёлый, наполненный ароматами смол и специй, и этот жар, который не проходит.

Я прижимаю ладонь к груди, к бешено бьющемуся сердцу, но это не успокаивает, не приносит облегчения.

Это проклятье?

Или мой собственный позор?

Я не знаю.

Но мне хочется разодрать ногтями кожу, лишь бы этого больше не чувствовать.

А он терпелив. Он не спешит, не давит, не делает ничего, чтобы принудить меня, и в этом его страшная сила. Он знает, что уже побеждает. Знает, что время на его стороне. Знает, что моя борьба — это нечто неизбежное, почти предсказуемое, что он может наблюдать, не вмешиваясь. Как змей, следящий за добычей, которая ещё не осознала, что уже не убежит.

Я чувствую его взгляд на себе. Не просто взгляд — прикосновение без касания, давление, тяжесть, от которой хочется свернуться в комок, сжаться, исчезнуть, но я стою. Я выдерживаю. Я не показываю, как колотится сердце, не позволяю себе выдать дрожь в пальцах. Я знаю, что стоит мне поддаться — и он это заметит. Он не упустит ни единой трещины.

Но он молчит.

Он ждёт.

Я не выдерживаю первой.

— Я никогда не покорюсь тебе.

Слова срываются с губ резко, зло, почти со шипением, я бросаю их в лицо, надеясь разозлить, выбить его из этого ледяного спокойствия, заставить дрогнуть, показать, что он не всемогущ, не всесилен, не может просто взять меня так, как хочет.

Но он только улыбается.

Медленно.

Хищно.

Как если бы ему нравилось моё сопротивление.

Как если бы он наслаждался им.

Я выкладываю перед ним свою ненависть, свою боль, своё отвращение, вырываю их из себя, чтобы они разрезали воздух, попали в цель, оставили раны, но они даже не оставляют царапин.

Они разбиваются о него, как волны о камень.

И этот взгляд...

Я ненавижу его за этот взгляд.

Разве чудовище будет так спокойно ждать, пока его жертва сама приползёт к нему? Разве охотник станет терпеливо следить за добычей, если может сломать её одним движением?

Разве он бы ждал, если бы не был уверен в своей победе?

Всё, что он делает, — смотрит.

И это страшнее, чем если бы он схватил меня, притянул, потребовал покорности. Страшнее, чем если бы пытался сломить меня силой. Потому что я уже знаю, что проиграла.

Но я ещё не готова сказать это вслух. И я не выдохнула с облегчением когда он уехал...потому что ощутила как будто у меня что-то отняли.

Наташа

ACXEM

Глава 5

Я почувствовала его прежде, чем увидела. Нечто чужеродное, неправильное, вползающее в мой мир, как змея в нору. В отличие от Асхема, чей приход ощущался заранее – оглушительный, сметающий всё, заполняющий воздух его присутствием, – этот человек прокрался.

Я не слышала шагов.

Не почувствовала запаха благовоний или тёплого песка, как бывало с Асхемом.

Я просто вдруг осознала, что я не одна.

Повернулась резко, слишком резко – и он был там.

Высокий. Не такой массивный, как Асхем, но жёсткий, сухощавый, жилистый, с силой, которая не бросается в глаза, но скрыта под одеждой, в движениях, в напряжённых жилах на запястьях.

Змей.

Вытянутое лицо с чёткими скулами, глубоко посаженные тёмные глаза, в которых не было ничего – ни злости, ни жестокости, ни страсти. Просто холод.

Он выглядел иначе, чем Асхем. Его кожа была темнее, чем у фараона, но с той же золотистой пылью, впитавшей солнце пустыни. Одежды тёмные, без лишнего золота, без лишнего пафоса, но с дорогими вышивками, словно он не нуждался в показном величии, потому что его власть не требовала до-

казательств.

Рахотеп.

Я не знала, кто он, но знала, что он опасен.

Он смотрел прямо, не мигая, не двигаясь, не давая мне пространства даже в воздухе между нами.

— Не бойся.

Его голос был низким, тёплым, но это тепло не согревало. Оно обволакивало, скользило, как шёлковая ткань, как змеиная кожа.

— Я не причиню тебе вреда.

Ложь.

Его взгляд медленно скользнул по мне, оценивая, неторопливо, будто он никуда не спешил. Как если бы я уже принадлежала ему.

— Ты не знаешь, кто я?

Я не ответила.

Но внутри всё сжалось.

Он знал, кто Я.

И в этом была его сила.

Он сделал шаг ближе. Медленно, пока без угрозы, без спешки. Его движения были выверенными, аккуратными, почти ленивыми – как у человека, который точно знает, что страх сделает за него всю работу.

Я не отступила.

Но сердце сжалось так, что дышать стало тяжело.

Кто он?

Он вел себя слишком уверенно. Слишком спокойно. Словно знал, что его место здесь. Словно знал, что я должна его знать.

Я видела многих – фанатично преданных жрецов, стражников, склоняющихся перед Асхемом, придворных, боящихся сделать лишний вдох в его присутствии. Но этот человек...

Он не боялся.

Он не преклонялся.

Он стоял передо мной так, будто он – часть этой власти.

Человек или змей?

— Ты не знаешь, кто я?

Его голос был ровным, но в глубине слышался оттенок любопытства, как у хищника, который хочет проверить, насколько его жертва осознаёт свою позицию.

Я не ответила.

Я не дала ему этого.

Его губы чуть дрогнули – то ли усмешка, то ли разочарование.

— Это даже интересно.

Он не спрашивал снова. Он знал, что ответ не имеет значения.

— Рахотеп.

Я не дрогнула.

Но внутри... внутри всё похолодело.

Брат фараона. Человек, который правил, пока Асхем был

во тьме.

Узурпатор.

Я сглотнула, но взгляд не отвела.

— Теперь ты знаешь. Или знала?

Он сказал это так же, как мог бы сказать: «Теперь ты моя».

И вдруг его пальцы коснулись моего подбородка.

Я вздрогнула, но не отпрянула. Не позволила ему увидеть реакцию.

Его рука была тёплой, но прикосновение ледяным.

Он заставил меня поднять голову.

Заставил посмотреть ему в глаза.

— Ты все же боишься меня?

Я не ответила.

Но он уже знал правду.

И это развлекало его.

Его пальцы сжали мой подбородок чуть крепче – не больно, но властно. Он заставил меня держать этот взгляд, не дал отвернуться, не дал вырваться.

— Боишься? Отвечай!

Я ненавижу этот вопрос.

Не отвечать – значит показать слабость. Сказать «нет» – ложь, в которую не поверит ни он, ни я. Сказать «да» – признание, которое он примет, как подношение. Я не могу выиграть.

Его глаза – чёрные, как ночное небо над пустыней. Они не завораживают, не обволакивают, как у Асхема, в них нет это-

го древнего золота, этой божественной ярости. В этих глазах – только бездна. Холодная, терпеливая, убийственная.

Рахотеп не сжимает пальцы сильнее, не угрожает, не давит – он просто заставляет меня смотреть.

— Это странно.

Я замираю.

— Он запер тебя в своей клетке, но даже не объяснил, кто я.

Тон – лёгкий, почти ленивый, но я слышу в нём что-то ещё. Не злость, не насмешку. Разочарование?

— Ты всего лишь его игрушка.

Отвращение вспыхивает резко, жгуче.

Я резким движением вырываю голову из его хватки, делаю шаг назад, но он не останавливает меня.

— Что? – в моём голосе столько же ненависти, сколько ярости.

Он улыбается.

Я ненавижу эту улыбку.

— Ты думаешь, ты – что-то большее?

Я стискиваю зубы.

— Ты не первая, знаешь? – Он делает шаг ко мне, но не трогает. – Не первая женщина, на которую он положил глаз.

В груди что-то холодеет.

— Но ты можешь избавиться... от плена...

Я не понимаю, что он имеет в виду.

И не хочу понимать.

Но он видит мой страх.

Видит его и наслаждается.

— Он думает, что ты уже его. Но у тебя есть выбор.
Голос стал мягче. Обволакивающий. Почти нежный.
Как у змея, нащёптывающего сладкую ложь.

— Скажи мне "да", и я дарю тебе свободу.

Свободу.

Это слово врезается в сознание. Оно звучит, как спасение.

Как обман. Как капкан, готовый захлопнуться. Я чувствую, что он ждёт. Его дыхание рядом. Его терпение – бездонное.

Он знает, что если я колеблюсь, если хоть на секунду поверю – он победил. Я поднимаю на него взгляд.

И говорю:

— Никогда.

Тишина между нами натянута, как струна.

А потом он улыбается.

И в этой улыбке – обещание.

"Ты ещё пожалеешь об этом."

Рахотеп смотрит на меня с ленивым любопытством, словно взвешивает мою ценность. Как будто я не человек, а ставка в игре, в которой мне даже не дали карт.

— Ты уверена?

Он не злится. Его голос спокоен, мягок, опасен именно этой мягкостью.

Я держу его взгляд, не позволяю себе моргнуть, не позво-

ляю опустить глаза, но внутри всё холодеет, потому что он не похож на человека, который отступает.

— Ты сказала "нет".

Он делает шаг назад, давая мне пространство, но не свободу.

— Я предлагаю всего один раз.

Мои пальцы сжимаются в кулаки.

— Подумай.

Он не приказывает. Не уговаривает. Просто говорит.

— Я приду за ответом позже.

Он разворачивается и уходит.

Без угроз.

Без давления.

Без страха, что я скажу "нет".

Как человек, который знает, что время — на его стороне.

Ублюдок. Предатель... Нет, это не значит, что я хочу быть с Асхемом. Это значит, что я начинаю понимать куда я попала. И в этом месте воняет предательством!

Я осталась одна. Или пыталась в это поверить. Воздух в покоех был тяжёлым, будто нависший потолок готов обрушиться мне на грудь. Я сидела на краю ложа, прижав колени к груди, и пыталась дышать. Просто дышать. Как будто это могло стереть последние минуты. Как будто одного глубокого вдоха будет достаточно, чтобы вырвать из памяти прикосновение чужих пальцев, чужого взгляда, чужой власти. Я говорила себе: он ушёл. Он не вернётся. Всё закончилось.

Но кожа на щеке всё ещё помнила.

Словно по ней прошёлся тонкий след яда — не режущий, а обволакивающий, затекающий в вены, оставляющий в теле медленное отравление.

И в тот момент, когда я почти позволила себе выдохнуть — оно вспыхнуло.

Клеймо.

Боль пронзила меня, как острое копье, врезалась в бок, рванула грудную клетку, отдалась в висках. Я зажала его ладонью, вжимая пальцы в кожу до белых костяшек, но не могла заглушить жар. Он не был огнём. Он был чем-то хуже.

Будто кто-то вырвал меня изнутри, будто часть меня, спрятанная глубже разума, восстала, закричала, задышала им.

Асхем.

Моё сердце сорвалось с ритма. Он почувствовал. Где бы он ни был — он знал. Его метка, его магия, его право на меня — отозвались не просто болью, а гневом.

И я знала.

Он идёт.

Я не слышала шагов. Не чувствовала приближения. Но воздух стал плотнее, влажнее, как перед грозой. Пространство вокруг меня стало тесным.

Асхем знал, что кто-то коснулся меня. И неважно, как это произошло.

Для него достаточно было самого факта.

И я уже не могла убежать от последствий.

Я подняла голову — и он был здесь. Без шума, без предвестия, без шанса подготовиться. Просто стоял у дверей, словно вырос из тени, растворённый в ней, как нечто древнее, хищное, извлечённое из самой плоти ночи. Он закрыл за собой дверь — медленно, почти торжественно, и не раздалось ни единого звука. Даже щелчка. Как будто сама тьма смолкла, подчиняясь его появлению.

Я не сразу поняла, что в нём не так. Он не бросался ко мне, не говорил, не кричал, не шёл с гневом — но в этом молчании было страшнее, чем в ярости. Потому что его лицо... оно было пустым. Без эмоций. Без выражения. Как маска. Как камень. Как саркофаг. Но под этой неподвижной гладью что-то кипело, как магма под землёй. Я это чувствовала. Каждая клеточка моего тела знала — он сдерживает не гнев. Он сдерживает ярость, которая может сжечь всё, что стоит между нами.

Он сделал всего один шаг. Один-единственный. И мир вокруг сжался. Воздух стал гуще, чем вода, тяжелее, чем камень. Он не двигался дальше — не было нужды. Ощущение его приближения было сильнее любого прикосновения. Всё дрожало внутри. Клеймо на шее вспыхнуло жаром, будто его присутствие вырвало его из сна, и теперь оно пульсировало, горело, отзывалось на него, как на зов.

Я не могла говорить. Не могла двинуться. Только смотрела на него — в эти золотисто-огненные глаза, в которых не

было пощады, но была боль. Слишком древняя. Слишком жгучая. Слишком личная.

Он ничего не сказал. И от этого было только страшнее. Потому что в тишине рождается кара. Потому что молчание — его выбор, и это значит, он решает, кем я стану этой ночью: женщиной... или предательницей.

Он не говорит. Просто смотрит. Его глаза не гnevаются, не сверкают яростью, как это должно было бы быть. Нет. В них — тишина до звона, напряжённая, как перед бурей. Слишком долгое молчание. Слишком неподвижный взгляд. Будто в нём застыло что-то древнее, опасное, выжидающее. Я чувствую, как внутри всё сжимается — горло пересохло, губы обветрели, дыхание застряло в груди. Я хочу что-то сказать, но язык онемел, он стал тяжёлым, как проклятие, и слова не идут, потому что любые слова будут ложью.

Он делает шаг. Один. Медленный. Расчётливый. И в этом шаге больше силы, чем в любой ярости. Он приближается, не как человек — как тот, кто знает, что ты уже принадлежишь ему. И этот взгляд... Я не выдерживаю. Он не смотрит на меня — он пронизывает. Рвёт. Обнажает. Я чувствую, как под кожей всё начинает гореть, как будто его глаза касаются меня больше, чем пальцы когда-либо могли бы.

Я боюсь. Не за него. Не за себя даже. Я боюсь его прикосновений. Потому что они сводят меня с ума. Потому что в них не просто власть. В них что-то первобытное, змеиное, нестерпимо манящее и отвратительное одновременно. Когда

он приближается, моё тело становится не моим. Оно предаёт меня. Оно тянется к нему, даже когда я внутри кричу от отвращения и ужаса.

— Кто коснулся тебя?

Глава 6

Голос тихий. Опасный в своей тишине. Он не требует. Он уже знает.

А я стою перед ним, обожжённая, парализованная, вся до последней капли — во власти пепла от собственного сопротивления.

Я не знала, что сказать. Слова метались внутри, как раненые птицы, бились в рёбра, оставляя синяки, но ни одно не решалось сорваться с губ. Ложь? Он почувствует её с первого вдоха. В его глазах — древняя мудрость зверя, вырванного из проклятия, бессмертного, опасного, всевидящего. Он знал мою плоть, мою кровь, мой пульс. И если я солгу — даже взглядом — он разорвёт меня без звука, только взглядом, только молчанием.

Но правда... правда была страшнее. Потому что я не знала, что он сделает, если услышит её. Если признаюсь, что чужая рука касалась моей кожи, что Рахотеп был ближе, чем должен был быть. Пусть даже не по моей воле. Пусть даже я отшатнулась, возненавидела это прикосновение... Он не услышит “почему” — только факт. Только метка. Только предательство.

А клеймо... клеймо пульсировало на коже, как предатель. Оно жгло, трепетало, отзывалось на него, будто подчинённое существо. Оно будто шептало ему всё, что я пыталась

скрыть. Оно стало связью, которую я не просила, не принимала, не хотела.

Я сделала полшага назад. Только полшага. Чисто инстинктивно. Не бегство. Просто — интуитивное движение в сторону света, в сторону воздуха, в сторону от него.

И этого оказалось достаточно.

Он схватил меня.

Его рука обхватила мою руку, крепко, уверенно, без боли, но с такой силой, что я поняла — назад дороги нет. Он не дал мне вырваться. Не дал закончить движение. Он остановил мою попытку уйти, как приговор.

И в этот момент я почувствовала, как всё замерло. Пространство, время, воздух.

И я — между удавкой и желанием кричать. Но молчала. Потому что не знала, что страшнее — его ярость. Или то, что она мне... не до конца противна.

Он прижал меня к стене — не резко, не с яростью, не с криком, но с такой медленной, неотвратимой силой, от которой перехватило дыхание и затряслись колени. Как прилив, который невозможно остановить, как горячая лавина, которая не уничтожает сразу, а сначала сжигает кожу, оставляя тебя живой, чтобы ты прочувствовала каждую секунду подчинения. Его тело не касалось моего напрямую, между нами всё ещё оставалось пространство, но его рука на моём горле — это была не угроза, а приговор.

Не удушье. Нет. Он не душил. Он просто держал. Твёрдо.

Властью. Правом. Тем самым древним, жутким «моё», которое он не произносил, но которое сочилось с его кожи, вибрировало в его дыхании, пульсировало в моей крови.

Я не могла опустить взгляд. Он не позволял. Его пальцы будто приросли к моей коже, придавливая не только шею — память, гордость, волю.

И он смотрел. Прямо в глаза. В самое нутро. Так, как никто никогда не смотрел. В его взгляде — расплавленное золото боли, пепел ярости, огонь древней одержимости. Он не был просто мужчиной. Он был стихией, проклятьем, воплощённым в теле, которое выбрало меня.

В этот миг мне казалось, что он видит каждую мысль, каждую дрожь под кожей, каждое воспоминание, каждый след от чужого прикосновения — и выжигает их.

Он не спрашивал снова. Ему не нужно было.

Он уже знал.

И это было страшнее любого крика.

Он смотрел на меня, и что-то в его взгляде треснуло — не ярость, не злость, а нечто более древнее, животное, сырое. Мир вокруг будто рассыпался на песчинки, застывшие в воздухе. И в этот миг он изменился. Не внешне сначала — внутренне. Вибрация власти, силы, сущности стала другой. Тяжёлой. Хищной. Невозможной для человеческого тела.

Я сделала полшага назад — и тогда он начал меняться. Не резко. Не в рывке. А медленно, грациозно, как нечто ритуальное. Как проклятье, оживающее в нём с дыханием пусты-

ни.

Сначала исчезло человеческое очертание ног. Его бёдра вытянулись, удлинились, покрылись чешуёй, сверкающей в полумраке бронзой и золотом, будто сама земля подарила ему кожу. Ноги слились в один мощный, упругий хвост — гибкий, опасный, безжалостно красивый. Он скользнул по полу, изогнулся, обвивая мои лодыжки, колени, бедра, а я вжималась в стену, как в последнюю защиту от того, что было слишком древним, слишком первобытным, чтобы быть человеком.

Его торс остался человеческим — сильным, тяжёлым, мощным, как статуя божества, со смуглой, гладкой кожей, натянутой на тугие мускулы. Но плечи стали шире, кожа под ключицами затрепетала, как от поднимающейся энергии. Его глаза, и без того золотые, теперь горели — буквально. В них плясал огонь, древний, змеиный, божественный. Он не смотрел — он пожирал взглядом.

Он поднялся, волнообразно поднимая тело, как кобра перед ударом, и приблизился ко мне. Хвост его извивался, охватывая меня медленно, с наслаждением, как будто он мог обвить не только моё тело, но и мою волю.

Я пыталась дышать — но каждый вдох был горячим. Каждый сантиметр его тела излучал силу, первобытную власть и нечто непереносимо мужское.

И тогда он наклонился. Его лицо оказалось рядом с моей шеей. Я не закричала. Я уже не могла. И когда его клыки

вонзились в пульсирующее клеймо, я не почувствовала боли.

Я почувствовала, как мир вокруг разлетелся на осколки.

А внутри меня вспыхнуло нечто нечеловеческое.

Я не закричала. Не от боли.

Потому что боли не было.

Было... иное.

Тело выгнулось, как под разрядом тока, дыхание вырвалось судорожно, из глаз посыпались искры — не света, а наслаждения, дикого, постыдного, жгущего, как расплавленный мед. Это было не удовольствие, это было наваждение. Я чувствовала, как он пьёт меня, пьёт силу, память, душу — и каждое движение его челюстей отзывалось сладкой судорогой внизу живота, в коленях, в спине.

Я застонала. Сдавленно. Позорно. Бессильно.

Он зашипел.

Не злобно — собственнически. Необратимо.

— Ты моя...

Шёпот проник в ухо, как яд, как приговор, как клятва.

— Больше никто и никогда не сможет тебя коснуться.

Он тянулся ниже, но остановился, напрягся, дыхание его стало горячее, слова — острее.

— Иначе я убью тебя. И его.

Я замерла.

Он не лгал.

— А я буду знать...

Пауза. Его губы коснулись мочки уха.

— Всегда.

И в этот момент я поняла — назад пути больше нет. И свободы тоже.

- В следующий раз это уже будут не оргазмы...это будет боль.

Я не был рождён из любви. Я вышел из крови — древней, густой, благословлённой и проклятой одновременно. Моя мать была первой из жриц, носительницей змеиных знаний, обученной разговаривать с песком, звёздами и смертью. Отец — фараон, чья сила не знала пределов, но сердце его давно умерло в борьбе за трон. Я стал их наследием. Не сыном. Не человеком. Сосудом для чего-то гораздо большего.

Моё тело носило форму мужчины, но в крови пульсировала память пустыни, голос древнего шипения, зов крови и песка, зов змея. Меня обучали не люди. Меня учили наги — старшие, ушедшие в глубины. Их язык я знал с пелёнок, их яд я чувствовал, как можно чувствовать пламя внутри костей. Я не боялся смерти, потому что был соткан с ней в один узел.

Я вырос во дворце, полном золота и лжи. Меня окружали стены из мрамора и лицемерия. Я учился властвовать, разрушать, завоёвывать. Моё царствование было красивым снаружи — оно сияло, как обожжённая солнцем корона, и гнило внутри, как заброшенная гробница. Люди склонялись передо мной. Но не один из них не мог выдержать моего взгляда.

Не потому что я внушал страх. А потому что я был не их. Не земной. Не человеческий.

Я умел любить — страстно, целиком, до саморазрушения. Но я не знал, что значит быть любимым. Мои женщины восхищались мной, мои враги боялись, мои советники лгали мне в глаза. Я всегда был один.

До неё.

Не до Натальи. Нет.

До неё — той, кем она была в прошлой жизни. Проклятие оставило мне обрывки: рабский ошейник, запутанные волосы, молчание в глазах. Я принимал эти осколки за целую правду и не замечал, что между ними зияют провалы. Но даже в искажённой памяти во взгляде Мерит жила неподвластная гордость. Она не поклонялась мне, а я впервые захотел стать для неё кем-то другим.

И именно поэтому я проиграл.

Тогда. Но не теперь.

Она была не для него. Ни тогда, ни сейчас. Но тогда я ещё не знал, что значит — хотеть сердце, а не тело. Я знал только, что её дыхание колет воздух, когда она проходит мимо, что её тишина громче крика, что в глазах её — пески, не покорённые временем, и жара, что сжигает дотла.

Глава 7

В памяти, отравленной проклятием, она принадлежала Рахотепу: пленница, которую он держал при дворе как дорогую вещь. Эта часть была правдой. Ложь начиналась дальше — там, где спасение превращалось в похищение, а любовь в насилие.

Она смотрела иначе. Не прятала взгляд, не склоняла голову, как положено. В её взгляде было «не тронь» и «убей» одновременно. Я не мог отвести глаз. Не мог забыть, как она однажды просто прошла мимо, не поклонившись, и в этот миг всё внутри меня рвануло. Я не знал, как её зовут. Я не знал, откуда она. Но я знал — она моя.

Я был уверен, что просто забрал её у брата, как трофей. Но рядом с этим воспоминанием жило другое: я разрывал её рабский договор перед алтарём Исиды и передавал свободную женщину под защиту храма.

Я помнил её дрожь, когда приближался, но не мог понять, кого она боялась — меня или Рахотепа, стоявшего за моей спиной. Проклятие стирало лица и меняло причины местами.

В одних обрывках я касался её без разрешения. В других месяцами ждал у храмовых ступеней, пока она сама не протянула мне руку. Обе версии звучали моим голосом.

Я не знал, какая память настоящая. Чем дольше длилось

заточение, тем увереннее становилась самая тёмная версия — та, что питала ярость и ненависть к самому себе.

Проклятие сделало клеткой не только саркофаг. Оно заперло меня внутри чужой вины.

И я принял эту вину за правду.

Теперь, встретив её снова, я действовал так, будто худшее уже однажды случилось и всё равно неизбежно повторится. Вместо того чтобы искать истину, я сам становился чудовищем из подменённых воспоминаний.

Я помню этот день до последнего удара сердца. Я не забыл ни звука, ни запаха, ни вкуса крови, которую я сам себе пустил, вгрызаясь в цепи, сдирая ногтями камень, пытаюсь вырваться — поздно, слишком поздно. Они вывели её на площадь, под солнечный зенит, словно она была не женщина, а приговор. На коленях, с заплаканными детьми, которых она прижимала к груди так, как будто могла заслонить собой от всего мира. Могла, если бы мир не был таким голодным.

Дети... мои. Моё дыхание, моё продолжение, единственное, что было чистым в этой гнилой, лживой реальности. У мальчика дрожали губы, он сжимал кулачки, как я когда-то в детстве. Девочка крепко держалась за мать. А она... она не плакала. Только смотрела. На меня. Сквозь пыль, сквозь пространство, сквозь страх. В её взгляде не было прощения. Только — последнее молчаливое «прости».

Я рвал себя. Буквально. Цепи впивались в запястья, железо хрустело под моими руками, камень под ногами раска-

лывался от силы, с которой я бился. Я выл. Как зверь. Как нечто, вырванное из мира, которому осталось только смотреть.

Они вырвали детей из её рук. Девочка кричала. Мальчик сопротивлялся. Его били, пока он не упал. Потом — удар. Один. Быстрый. Без пощады. Без объявления. Тишина после него была нестерпимой.

Потом второй. И не было больше ни крика, ни слёз. Только её — с окаменевшим лицом, застывшим взглядом, и губами, шепчущими что-то, чего я не услышал.

Жрецы знали. Они заглушили моё горло заклинанием, обожгли голос. Чтобы я не смог выть. Не смог звать. Чтобы никто не услышал, как фараон — не бог, а зверь — рвётся к земле, истерзанный и разорванный.

Они подожгли её.

И я смотрел, как горит моё сердце. Моя душа. Моё проклятие.

Именно в тот день я проклял всё. Их. Небо. Богов. Свою кровь. Своё имя. Себя. Я поклялся, что если когда-нибудь дыхание вернётся в мою грудь — я заставлю их мир дрожать. Я сожгу всё, что осмелится дышать рядом с её именем. Я стану змеей, чья любовь — яд, чья месть — вечность.

Я умер, но они забыли — я не человек. И смерть для меня — не конец. А начало.

Меня не убили. Они знали: смерть — освобождение. И потому они выбрали не смерть, а то, что хуже. То, что тя-

нется веками, как гниение души в замурованной плоти. Они вложили меня в саркофаг, как вкладывают проклятие в каменную утробу. Я был жив. Осознан. Полный ярости, боли, ненависти, желания вырваться — и не иметь больше никого.

Я помню руки — чужие, в бинтах и крови, в молитвах и шепоте. Они связали мои запястья, плотно, как кости к сердцу. Ярость во мне клокотала, но не имела выхода. Я сопротивлялся. Я рвал. Но тогда они отрубили мне язык — чтобы мои крики не потревожили богов. Чтобы ни один дух, ни одна тварь не пришли на зов. Потом выкололи глаза — чтобы я не видел их лиц, чтобы не помнил, кому мстить первым.

Я захлёбывался собственной яростью, собственной кровью, но я всё слышал. Каждый вдох. Каждое имя. Каждую молитву.

Они замуровали меня в саркофаг, лицом вниз — как раба, как зверя, как чудовище, не имеющее права смотреть в небо.

Я бился. Сначала яростно. До срыва мышц, до треска в суставах, до хруста собственных костей. Я орал, плевался кровью, рычал, пока не вспорол себе горло. Я сдирал ногти о крышку, пытался выцарапать камень, оставить знак, хоть что-то, хоть слово, что я был здесь. Что я — не умер.

Песок начал сыпаться сверху. Медленно. Неумолимо. Я слышал, как он хрустит, как забивает щели, как с каждым дыханием он становится всё ближе. Я почувствовал, как он заполнил рот, горло, лёгкие. Он не убивал — он топил. Медленно. Как обида. Как память.

Темнота заползла в череп, начала глотать изнутри. Я бы умер. Я хотел умереть.

Но я не мог.

Я не был человеком. Я был нечто посередине — проклятый сын земли и пламени. А значит, для меня не существовало конца. Только бесконечное «ещё».

Я спал. Вынужденно. Как древний бог, о котором забыли. Как змея под камнем. Но я помнил. Всю вечность я помнил. Имя. Вкус её кожи. Смех наших детей. Свист удара. Плач. Песок. Кровь. Я жил в этом. Каждый миг.

И я ждал. Пока она не пришла. Пока не коснулась короны. Пока не вернула меня — в этот раз, чтобы уже не уйти.

Магия забрала меня не сразу. Она не убаюкивает, как сон. Она ломает волю, проникает в кости, обволакивает, как саван, сотканный из времени. Жрецы запечатали меня не только в камень, но и в заклятие — вязкое, липкое, змеевидное. Оно проникло в поры, в кровь, в разум, обвило меня, как мать-тма, и заткнуло крик. Я чувствовал, как бинты ложатся на меня — не тканью, а чужой волей. Они не оберегали — они приковывали. Слой за слоем. Без права дышать. Без права быть.

Тело уснуло первым. Оно стало камнем, тяжёлым, как грех. Я больше не чувствовал боли, но это не было облегчением. Это была живая мука — пустота, отрезающая от мира, от звуков, от света, от себя. Только сознание осталось — дрейфующее, как обломок души в безбрежной пустыне.

Я не чувствовал времени. Но я помнил её. Я не знал дней. Но я повторял её имя — мысленно, без языка, без звука. Я не чувствовал надежды. Но я верил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.